

К ВОПРОСУ О РАЗРАБОТКЕ НОВЫХ КОНЦЕПЦИЙ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ КЫРГЫЗСТАНА

АРЗЫМАТОВА А.А.

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына

УДК: 941.1 (575.2) (043.3)

Распад СССР и смена вех в общественном сознании не могли не оказать влияния на историческую науку, переосмысление почти всех проблем национальной историографии. Перед современными исследователями встали задачи более глубокого, объективного и всестороннего анализа, поиска новых подходов в объяснении той конкретно исторической формы, в которой совершалось развитие Российской империи с середины XIX века и СССР, неотъемлемой частью, которых свыше ста лет был Кыргызстан.

История Кыргызстана со времени принятия российского подданства и до распада СССР всегда рассматривалась в общем контексте российско-советской истории. В результате, была сформирована и сформулирована концепция отечественной истории в рамках идеологических установок правящей коммунистической партии. Изложение материалов дореволюционной истории Кыргызстана и Туркестана со 2-ой половины XIX в. должно было идти в контексте выявления объективных и субъективных условий возрастающего революционного движения в России и Туркестане, сближения экономического и политического положения местных и русских трудящихся – переселенцев и их братского классового союза, приведших затем к победе Октябрьской социалистической революции.

В рамках такой парадигмы в научной литературе были установлены следующие историографические выводы:

- к концу XIX и началу XX вв. в Кыргызстане сложился капиталистический уклад;
- начался процесс складывания внутреннего капиталистического рынка в Кыргызстане;
- наличие национальной промышленности и национального рабочего класса;
- начало образования кыргызской буржуазной нации и формирования буржуазной идеологии;
- классовая дифференциация кыргызского аила и усиление её, в связи с капиталистической эксплуатацией; расширение и углубление классовой борьбы в Кыргызстане;
- рост классового самосознания кыргызских рабочих и установление классового союза с русскими трудящимися.

Такие выводы находились в полном противоречии и абсолютно не совпадали с реальной действительностью и с классическими определениями К. Маркса и В.И. Ленина о характере докапиталистических обществ. Здесь мы должны пояснить, что критика марксизма, ленинизма широко развернувшаяся, как известно, с начала «перестройки» активно продолжалась до середины 90-х годов XX века. Критиковали не только отдельные положения, но и весь марксизм. На марксизм, как теорию возлагалась ответственность и за сталинизм и за кризис советского общества. Научность теории К.Маркса отрицалась без ее соотнесения с истинным марксизмом. Но, сегодня в российской историографии, и мы с ними солидарны, сложилось однозначное понимание роли марксизма в научном анализе всемирно-исторического процесса. На Западе же марксизм всегда оставался одним из ведущих методологических направлений по которой исследовалась её социальная история [1]. Хорошо известно, что «школа Анналов» формировалась под сильным влиянием марксизма. Британская социальная история и прежде всего, история рабочего класса, складывалась как марксистская. Даже в США, её социальная история, испытала на себе влияние марксистских идей. Единственное, что

было положительным в «критике» марксизма – это его десакрализация и деидеологизация, пришедшее понимание, что К. Маркс не единственный, а один из многих величайших умов человечества.

К. Маркс считал что: «...в колониях нет ещё отделения работника от условий труда и от земли... нет ещё и обособления земледелия от промышленности, не уничтожена ещё сельская домашняя промышленность» [2]. Ленин также, неоднократно писал о «почти полном отсутствии промышленности в Туркестане» [3]. Ч. Валиханов в своих записках, посвященных Казахстану и Киргизии также показывает отсутствие всяких форм промышленности у кочевых народов, объясняя это экономическими условиями кочевого скотоводства, которые требовали постоянных перекочевков по огромной территории, тогда когда промышленное производство может быть развито только при оседлом местожительстве, т.к. более или менее развитые формы даже ремесленного производства предполагают смонтированные орудия производства в определенные производственные помещения [4]. Поэтому, капиталистический уклад, как сложившаяся сумма капиталистических элементов, которые разлагают старую формацию, не мог разложить патриархальный феодализм в Кыргызстане потому, что капиталистический уклад, как таковой, в Кыргызстане к кануну Октябрьской революции ещё не сложился. Но, процесс разложения патриархально-феодальных отношений начался, и фактором этого был привнесённый извне русский капитализм, а не внутренние процессы разложения патриархального феодализма. Аналогичная точка зрения в кыргызской исторической науке в советский период была высказана единственно Есиповым Н.С., за что был подвергнут острейшей обструкции. Есипов Н.С. писал: «производительные силы Кыргызстана не могли получить всестроенного развития в колониальных условиях... ее внутренние силы не в состоянии были внести какие либо заметные перемены в существовавший общественный строй... Здесь пролетарская революция началась почти при отсутствии, или отсутствии готовых форм капиталистического уклада. Установившиеся местные органы диктатуры пролетариата не являлись результатом внутреннего развития. Они складывались под воздействием внешних условий» [5]. До Есипова Н.С. проблема наличия «внутренних сил зарождения капитализма в Туркестане» была поставлена в докладе узбекского историка Вахабова М.Г. на научной сессии, в Ташкенте в 1954 г. посвященной истории народов Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. В заключительном слове, отвечая оппонентам, Вахабов М.Г. утверждал: «Очень много говорили о хлопкозаводах. Они были якобы промышленными очагами, изменившими социальный строй узбекского общества. Если в течение 20 лет (с 1880 по 1900 гг.) их насчитывалось всего 58, то через 15 лет число их возросло до 223. Увеличение в 4 раза. Можно ли из этого сделать вывод, что капитализм в Узбекистане за 15 лет развился в 4 раза?! Разве такой рост хлопкоочистительной промышленности не был результатом того, что она насаждалась извне?» [6] Такая точка зрения Вахабова встретила острую критику со стороны организаторов научной сессии. В заключительном слове профессора Брагинского И.С. говорилось: «В итоге, если собрать все эти высказывания «о специфичности», то получается что Средняя Азия стоит вне исторического процесса развития, что рабство здесь не рабство, феодализм не феодализм, капитализм импортный и т.п [7]. Позже, в 1967 году в большом сводном труде среднеазиатских и казахстанских учёных «Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане» декларируется вывод о том, что в Туркестане, накануне Октября внутренние предпосылки революции были налицо [8]. В Кыргызстане, в большом академическом труде «История Киргизской ССР» также отмечалось, что некоторые ученые (Есипов Н.С.) «Вопреки общеизвестным фактам отрицали капиталистический уклад в экономике дореволюционной Киргизии, а потому «проглядели» и зарождение здесь новых социально-классовых сил – наемных рабочих и полупролетарских элементов в городе и на селе, сыгравших важную роль в событиях трех российских революций в крае» [9]. Также «Подтягивание» исторических фактов к «объективным» предпосылкам Октябрьской революции выявилось также в преувеличении

роли торгового капитала и возникающих товарно-денежных отношений в генезисе капитализма в Кыргызстане после его присоединения к России. Это также, касалось и проблемы наличности внутреннего рынка вообще, и как материальной базы нарождающейся «национальной буржуазии». Советская историко-экономическая наука, таким путем, доказывала наличие внутренних условий для возникновения капиталистических отношений в Кыргызстане и указывала пути их формирования: киргизские кочевники-скотоводы были юридически свободными. Крепостного права, которое могло бы прикрепить их к земле, не было, так как для этого не имелось объективных предпосылок. При наличии крупных частных скотоводческих хозяйств свободный труд объективно обуславливал возникновение наемного труда, а последний не мог не породить и капитал. Малоскотные кочевники и вовсе не имеющие скота в целях заработка средств существования вынуждены были наниматься к богатым скотовладельцам, что также способствовало образованию капитала, и что скот мог частично выступать в качестве капитала, когда он был средством эксплуатации наемного труда [10]. Также советские историки и экономисты писали о том, что киргизские крупные скотоводческие хозяйства, имевшие нередко десятки тысяч овец, не могли обойтись без наемного труда [11]. Но, существовал ли в предреволюционной Киргизии наемный труд именно капиталистического типа? Советская историография отвечала да, мы отвечаем, нет. Советская историография считала наемными работниками капиталистического типа пастухов и табунщиков. «Наем пастухов особенно распространен в конце XIX – начале XX вв., когда происходил процесс концентрации поголовья скота в руках местных эксплуататоров и что малайство отражает сущность найма рабочей силы» [12]. Традиция считать пастухов – работниками наемного труда капиталистического типа, впервые в советской историографии была заложена Погорельским П. и Батраковым В. в их совместной работе «Экономика кочевого аула Киргизстана», вышедшей в 1930 г. в Москве. Перед этими авторами видимо стояла задача идеологического обоснования объективных и субъективных закономерностей, совершившейся 13 лет назад Октябрьской социалистической революции в Кыргызстане. В параграфе «Капиталистические отношения в кочевом хозяйстве» авторы, доказывая распространение отношений прямого найма и положение сельскохозяйственных рабочих формируют вывод, что привлечение чужой рабочей силы должно свидетельствовать о проникновении капитализма в кочевое хозяйство гор».[13] Оспаривая неверные теоретические положения и выводы историко-экономической науки по анализируемой проблеме отметим, что в кочевом обществе нет такого понятия, как юридические отношения, закон. Кочевое феодальное общество, к тому же в ранней, патриархальной стадии, как известно, функционирует на основе обычного права, родовых отношений. Поэтому, кочевая беднота была связана с родом, общиной, не на основе правовых отношений. Порвать с общиной, со своим родом, или встать на позицию противостояния с ними, бедняк-пастух не мог и в силу экономических причин, так как единолично не мог обеспечить себе и своей семье жизненные условия существования из-за суровых природно-климатических условий и кочевого образа жизни. Это один из базисных основ азиатского способа производства. Поэтому ни пастухи, ни табунщики в конце XIX – начале XX вв. не продавали своей рабочей силы владельцу средств производства. Они против своей воли, по обычаю, принуждались к труду, поскольку постоянно находились в состоянии «поголовного рабства». Включение в состав сельскохозяйственных рабочих всех батраков от домашних слуг до табунщиков и пастухов, естественно вело к искусственному увеличению сельскохозяйственных рабочих. Но, кочевое общество кыргызов и батраки существовали и в...XIII, XIV, XV... веках. Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» пишет: «Наемный труд, в котором скрыт уже в зародыше весь капиталистический способ производства существует с давних времен; в единичной, случайной форме мы встречаем его в течении столетия рядом с рабством. Но скрытый зародыш только тогда мог развиваться в капиталистический способ производства, когда

созрели необходимые для него исторические условия» [14]. К. Маркс также отмечает: «Негр есть негр. Только при определенных отношениях он становится рабом. Хлопкопрядильная машина есть машина для прядения хлопка. Только при определенных отношениях она становится капиталом. Выхваченная из этих отношений она также не является капиталом, как золото само по себе не является деньгами. Капитал общественное производственное отношение. Он историческое производственное отношение» [15]. Вслед за Марксом и Энгельсом мы тоже можем сказать, пастух есть пастух и только при определенных отношениях, исторических производственных отношениях он может стать наемным рабочим. В связи с этим поставим вопрос: созрели ли в Кыргызстане внутренние необходимые исторические условия для возникновения капитализма на рубеже XIX – XX вв.? Как отмечалось выше, кыргызская историко-экономическая наука отвечала утвердительно. На наш взгляд, внутренних условий генезиса капитализма в кыргызском кочевом обществе быть никак не могло, даже на рубеже XIX–XX вв., поскольку существовавшая азиатская община была неизменна, устойчива. Внутренними условиями её разрушить невозможно. Только внешние условия могли привести её к разложению или к разрушению. Таковыми внешними историческими условиями, начиная со второй половины XIX века стали колонизация края и развитие русского капитализма вширь. К. Маркс, исследуя генезис капитализма, особо отмечал, что капитализм это та стадия развития товарного производства, когда и рабочая сила становится товаром [16] после продажи-купли их предпринимателями» [17]. Проявлялась ли эта тенденция в кочевом или полукочевом обществе кыргызов? Можно ли относить пастухов, табунщиков к категории «товар», отношениям купли-продажи? Можно, отвечали, ученые советского периода. Нет, утверждаем мы: в патриархальном кочевом обществе, пастух никогда не мог быть владельцем товара «рабочая сила», поскольку сам себе он не принадлежал, он еще не был вырван из круга кровнородственных связей. Уйти из рода бедняк не мог. Бедноту, «брали» в пастухи или она нанималась к манапу не, как свободный человек, а как бедный родственник. Здесь, кстати привести характеристику социальной обстановки в районах кочевого скотоводства в работах первых советских исследователей, пока ещё не отягощенных особо идеологическим грузом. Так, П. Кушнер, изучавший в 1925 году киргизский аил пришел к выводу, что там «одна из самых ранних фаз феодализма и в то же время последняя фаза разложения родовых отношений у киргизов».[18] Затем, в том же году (1925 г.) он, в своем докладе на заседании Средазбюро ЦК ВКП (б) говорил: «Я тщательно искал классовую борьбу и социальные классы, искал, сообразуясь с точным понятием класса, но не нашел»[19].

Если, советская историография считала пастухов рабочими, то тогда какую прибавочную стоимость капиталистического типа они могли создать?

Советские историки и экономисты относили «приплод» и «дороженный скот» к категории «прибавочная стоимость» капиталистического типа, а крупные скотовладельческие хозяйства – к капиталистическим, скотовладельцев – к капиталистам [20]. Такие неверные методологические подходы и выводы, смешение различных понятий вели к переоценке процессов проникновения товарно-денежных отношений в кочевом аиле, вплоть до придания этим тенденциям основной роли при характеристике социально-экономических отношений в Кыргызстане. Рассматривать «приплод» и «дороженный скот», как прибавочную стоимость, кочевые хозяйства, как хозяйства капиталистического типа, а в скотовладельцах видеть капиталистов – это выдавать желаемое за действительное. К. Маркс, исследуя источники и виды прибавочной стоимости, рассматривал прибавочную стоимость не абстрактно, а конкретно – в различные исторические эпохи. Он подсчитал что при барщинной системе хозяйства, т.е. при феодализме степень эксплуатации крестьянина составляет 66% [21], при капитализме степень эксплуатации рабочего – 100% [22]. Почему? Потому, что при барщинной системе хозяйства преимущественное значение имеет потребительская стоимость, а при капитализме – меновая стоимость. Отсюда, степень капиталистической эксплуатации

выше. По этому пастух, табунщик в условиях патриархального феодализма в Кыргызстане, оставались объектом феодальной эксплуатации, да еще отягощенных родовыми пережитками. Следовательно, процесс доращивания скота относится к простому процессу образования стоимости или к процессу производства товаров, а это относится к товарному производству некапиталистического типа.

Аккумулятивным показателем степени капитализации хозяйства является фактор наличия или отсутствия внутреннего рынка. Ранее перечисленные выводы кыргызской исторической науки свидетельствуют, что внутренний рынок в Кыргызстане был. Такие категории, как национальная буржуазия, национальная идеология, национальный рабочий класс, как известно, результат функционирующего внутреннего рынка, разделения труда и интенсификации внутривладельческих связей на определенной территории. Однако, выше мы показали отсутствие признаков капитализации хозяйства кыргызов. Значит, о сложении внутреннего национального рынка на территории Кыргызстана говорить не приходится, поскольку существовали ещё нерасчлененное единство кочевого и полукочевого хозяйства, домашние промыслы, которые по своей сути не предполагают образование национального внутреннего рынка, тем более, что феодализм по своей природе, тем более в его патриархальной форме, отрицает всякую экономическую общность, являясь замкнутым, натуральным хозяйством.

Обозначенные проблемы, также были предметом обсуждения на вышеуказанной научной сессии в Ташкенте. Ведущими итоговыми линиями дискуссии были: вопросы сложения внутреннего национального рынка в Туркестане накануне Октябрьской революции, как экономической базы формирования национальной буржуазии и национального рабочего класса. Наиболее компактно и четко такая точка зрения прозвучала в выступлении Якунина А.Ф. (Высшая партийная школа при ЦК КПСС) – «вывод к которому приходит М.Г. Вахабов, [23] из анализа экономики Узбекистана, делается такой: внутреннего национального рынка в Узбекистане накануне Великой Октябрьской социалистической революции не сложилось, общности экономической жизни у узбеков не было, территориальной общности не было... А что здесь было? – вопрошал Якунин А.Ф. и далее продолжал: Вахабов... старается представить дело таким образом, что здесь никакой промышленности не было. А та промышленность, которая и была в Узбекистане, особого значения в жизни населения Узбекистана не имела» [24]. И сам же Якунин отвечает: «Проникновение русского и иностранного капитала в Среднюю Азию и Казахстан вызвало к жизни появление горнодобывающей, в том числе нефтяной промышленности, а также промышленности по переработке сельскохозяйственных продуктов и продукции животноводства. В Средней Азии и Казахстане значительную роль играл финансовый капитал, как русский так и иностранный. В Туркестанском крае было в 1910 году 230 хлопкоочистительных заводов, очищавших в год 33 млн. пудов хлопка. Среди этих заводов были предприятия, оборудованные по последнему слову капиталистической техники. Местная буржуазия организуется, объединяется в свои организации, устраивает съезды и т.д. и т.д.» [25]. По ироничному замечанию одного из участников дискуссии Якунину в пору было писать книгу «Развитие капитализма в Туркестане» [26]. В заключение своего выступления Якунин говорит: «Всё это даёт нам основание утверждать, что в хозяйстве узбеков и казахов в XX веке шёл процесс развития капиталистических отношений и пусть здесь не говорят, что я принимаю развитие товарности баев за капиталистические отношения... Таким образом, все компоненты для формирования буржуазных наций у народов Средней Азии и Казахстана перед Октябрьской социалистической революции были налицо» [27]. Точке зрения Якунина было созвучно выступление Столярова В.И. (Бухарский педагогический институт) который, также грозно спрашивал: «Если в Туркестане были только одни сезонные рабочие, а кто же тогда совершил Октябрьскую социалистическую революцию» [28].

К контексту вышесказанному, очень интересно привести высказывание Сталина в докладе по национальному вопросу на X и XII съезде РКП(б) о недопустимости

смешивать капитализм, привнесенный извне, с развитием капитализма в недрах самого местного общества. Он говорил: «Баку вырос не из недр Азербайджана, а надстроен сверху, усилиями Нобеля, Ротшильда, Вишау и др.». Что касается самого Азербайджана, то он является страной самых отсталых патриархально-феодальных отношений. Поэтому Азербайджан в целом я отношу к той группе окраин, которые не прошли капитализма и к которым необходимо применить своеобразные методы втягивания этих окраин в русло советского строительства» [29].

К вопросу об объективных и субъективных предпосылках Октябрьской революции можно привести следующую парадоксальную концепцию Турсунбаева А.Б., (Академия Наук Казахской ССР). Он, останавливаясь на проблеме характера патриархально-феодальных отношений у бывших кочевых народов СССР, был уверен, что: «Дореволюционная аульная община, прежде всего, была классовым, антагонистическим объединением людей... буржуазные националисты в своей борьбе против социалистических преобразований, в таких ранее отсталых национальных окраинах как Казахстан, пытались выдать скот за основное средство производства, которое находясь, на подножном корму, якобы не требовало затрат живого прибавочного труда. Отсюда вытекало отрицание эксплуатации и классовой борьбы в ауле, отрицание значения для скотоводческих народов аграрных законов Октябрьской революции, в частности значения «Декрета о земле». Более того, точка зрения, что скот является единственным средством существования кочевых народов, объективно означает отрицание союза трудящихся крестьян скотоводческих районов с рабочим классом, ибо земля сыграла решающее значение в установлении этого союза. Поэтому, умаление значения земли для скотоводческих народов объективно может служить оправданием утверждения буржуазных националистов, отрицавших значение Октябрьской революции для ранее отсталых народов нашей страны – революции давшей им землю [30]. Коротко, концепция Турсунбаева А.Б. выглядит так: если нет объекта борьбы у кочевых народов (земля), то тогда в чем смысл и необходимость Октябрьской революции.

На научной сессии в Ташкенте, вопрос о формировании кыргызской буржуазной нации и её материальной базы – национального внутреннего рынка даже не стоял, так как по единодушному мнению участников, особенностью Кыргызстана по сравнению с другими регионами Туркестана являлось то, что уровень промышленности был крайне низок. Здесь даже не было однобокого развития промышленности, как хлопководство в Узбекистане, нефтедобыча в Азербайджане и т.д. Но, тем не менее, историки Кыргызстана активно формировали проблему наличия внутреннего рынка в Кыргызстане. Это приводило к «правильным», политически востребованным выводам: «процесс зарождения внутреннего рынка сопровождался новыми явлениями в социальном и классовом составе населения Киргизии. По мере развития товарно-денежных отношений во всех районах края...появились представители новых классов: сельская и городская буржуазия и её антипод – наёмные сельскохозяйственные и промышленные рабочие» [31]. В вопросах о наличии или отсутствия внутреннего рынка, мы должны отметить, что нельзя путать территориальное разделение труда и разделение труда между регионами в связи с природными условиями. Это один из важнейших принципиальных моментов в понимании генезиса внутреннего национального рынка. Территориальное разделение труда, как известно, порождено производством, т.е. мануфактурой и следовательно возникает только при капитализме и означает всё увеличивающийся рынок на средства производства. Разделение труда, связанное с природными условиями, например между степными и земледельческими районами и называемое рынком потребительских товаров существовал веками. Патриархально-феодальный уровень кыргызского общества с господством домашнего промысла и ремесел нетоварного характера, никак не мог способствовать созданию внутреннего рынка, национальной буржуазии, национального рабочего класса в Кыргызстане.

Таким образом, все проблемы отечественной истории дореволюционного периода со 2-ой половины XIX в. концентрировались вокруг закономерностей победы Октябрьской революции в колониальных окраинах, были крайне политизированы и идеологизированы и не соответствовали реальной действительности.

Литература:

1. Соколов А.К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения / Социальная история. – Ежегодник. 1998/1999... – С. 42.
2. Маркс К. Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 23. – С.778.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 31. – С. 217–218.
4. Валиханов Ч.И. Соч. в 5 т., Алма-Ата 1985 – т. 3 – С. 192, 228; т. 4 – С. 105-107.
5. Есипов Н.С. Промышленное строительство в ранее отсталых странах. Исторический опыт Советской Киргизии. Фрунзе 1962, с. 54.
6. Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент 1955, с. 265-266
7. Там же. – с. 564.
8. Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. – Ташкент, 1967. – С. 50.
9. История Киргизской ССР. Фрунзе 1986, т. 2. – с. 29–30.
10. Джунушов К. Развитие товарно-денежных отношений в дореволюционной Киргизии. Фрунзе 1965, с. 14
11. Возникновение капиталистических отношений в Кыргызстане в конце XIX- начале XX вв. Фрунзе 1970, с. 224-225
12. Там же
13. Погорельский П., Батраков В. Экономика кочевого аула Киргизстана. – М.: Издание Совнаркома К.А.С.С.Р, 1930. – С. 67.
14. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. – М., 1948. – С. 254.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 23. – С. 775.
16. Там же. – С. 178–181.
17. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 3. – С. 581.
18. Кушнер П. Манапство в Горной Киргизии // Революционный Восток, 1927. – № 2. –С. 152.
19. Митрофанов А. Об одной теоретической путанице и о вредных ее последствиях // Большевик, 1926. – № 13. – С. 73–82.
20. Джунушев К. Указ. раб.
21. Там же. – С. 250.
22. К.Маркс... т. 23, с. 250
23. Вахабов М.Г. К вопросу о формировании узбекской буржуазной нации. (Основной докладчик на указанной научной сессии). – С. 145–163.
24. Материалы научной сессии..., с. 198.
25. Там же. – С. 199–200.
26. Материалы научной сессии.... – С. 211.
27. Там же. – С. 203.
28. Там же. – С. 240.
29. Сталин И.В. Соч. – Т.5. – С. 47.
30. Материалы научной сессии.... – С. 103.
31. Возникновение капиталистических отношений... 231